

УДК 808.2

doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.72-88

**ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ АСПЕКТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
МАКРОКОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ» В ИГРОВОЙ ПОЭТИКЕ
РАССКАЗА «КРУГ» В.В. НАБОКОВА**

Г.Ю. Мальцева

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, 308015, Россия*

Аннотация

В статье рассматриваются особенности вербальной репрезентации макроконцепта «Жизнь» в рамках игровой поэтики произведений русскоязычного периода творчества В.В. Набокова. Для исследования индивидуально-авторского концепта используется методика анализа ассоциативного слоя, разработанная Н.С. Болотновой. Доказывается, что концепт в художественном дискурсе В.В. Набокова имеет уникальные способы репрезентации, связанные с ориентированностью игрового текста на имплицитность. Ассоциативный слой макроконцепта «Жизнь» в рассказе «Круг» имеет несколько направлений ассоциирования и дает представление о других слоях концепта. Отмечается, что образный слой представляет концептуальная метафора *жизнь – круг*, которая характерна для русской языковой картины мира. В ассоциативное поле концепта «Круг», являющегося частью макроконцепта «Жизнь», входят эксфрасисное вкрапление и игра с этимологией слова. В исследовании привлекаются и другие художественные тексты русскоязычного периода творчества В.В. Набокова, демонстрирующие надтекстовый характер метафоры *жизнь – круг* в дискурсе писателя. Делаются выводы о лингвокреативных механизмах вербализации концепта в идиостиле нестандартной языковой личности.

Ключевые слова: В.В. Набоков, идиостиль, лингвокреативная языковая личность, игровая поэтика, макроконцепт, художественный концепт, ассоциативно-семантическое поле

Творчество В.В. Набокова уже второе столетие является объектом пристального внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей. Очевидно, что большая часть научных изысканий в этой области осуществляется с позиций литературоведения. Однако стоит отметить, что отличительной особенностью своих произведений писатель считал господство языка. «Феномен языка, а не идей» [1, с. 111], – фраза из его лекции о Н.В. Гоголе, которая в полной мере применима к творчеству самого В.В. Набокова.

Исследовательский интерес к творчеству В.В. Набокова пришел с Запада, где писатель получил широкую известность и признание. С этим связано большое количество работ по изучению англоязычного периода его творчества. Между тем русскоязычная проза дает ответы на многие вопросы, связанные с изощренной и тонкой языковой игрой, ставшей визитной карточкой В.В. Набокова. Именно

там, в сфере «индивидуального, кровного наречия» [2, с. 133], следует искать глубинные доминанты идиостиля писателя.

Под игровой поэтикой мы, вслед за Г.Ф. Рахимкуловой, понимаем «всю систему художественных средств, способствующих созданию игровой специфики текста» [3, с. 35]. Наши исследования в сфере игровой поэтики произведений В.В. Набокова доказывают, что игровой компонент (людическая функция) художественного дискурса не связан с развлекательностью, а призван быть «передатчиком» философских размышлений автора о природе искусства и бытия человека через вовлечение читателя в разгадывание языкового и структурного кода текста.

Игровая поэтика произведений В.В. Набокова организуется при помощи уникальности их словесного строя, а читателю «с собственным словесным багажом» приходится принять вызов от самого писателя [4, с. 17]. Слово занимает важное место в поэтике его произведений. Оно определяется нами как срединное звено между уровнями декодирования текста. Слово дает доступ к художественному концепту – единице «индивидуального сознания, авторской концептосферы, вербализованной в едином тексте творчества писателя» [5, с. 77].

Игра с языком и структурой текста доступна лингвокреативному мышлению, которое «наращивает различные смыслы оценочного, эмотивного и экспрессивно-образного характера» художественного концепта посредством разветвленной сети ассоциаций [6, с. 63].

Целью исследования является анализ особенностей репрезентации макроконцепта «Жизнь» в игровой поэтике рассказа «Круг», что предполагает выполнение следующих задач:

- определить основные направления ассоциирования концепта «Круг», сгруппировав лексический материал по семантическому признаку;
- выстроить ассоциативно-семантическое поле макроконцепта «Жизнь» через одно из направлений ассоциирования с ключевым словом – номинатом концептом «Круг»;
- выявить лингвокреативные аспекты концептуализации в идиостиле В.В. Набокова.

Исследуемый нами концепт «Жизнь» является экзистенциально значимым культурно ориентированным образованием, имеющимся в картине мира каждой нации и отдельно взятого человека. В языковом сознании представителя русской нации концепт «Жизнь» стоит на первом месте в ряду таких понятий, как «Дом», «Человек», «Любовь», «Вера» и т. д.

О.А. Ипанова, описывая понятийное содержание концепта «Жизнь», выделяет разнообразные концептуальные признаки: жизнь-существование, жизнь-деятельность, жизнь-движение, жизнь-длительность, жизнь-целостность, жизнь-реальность, жизнь-качество [7, с. 65–68].

В нашем исследовании концепт «Жизнь» рассматривается как индивидуально-авторское образование в русскоязычном творчестве В.В. Набокова. Безусловно, в концептосфере писателя этого периода творчества есть совпадения с национальной языковой картиной мира русского человека. Но есть и уникальные составляющие, не входящие в коллективные представления и, следовательно,

требующие детального изучения для восполнения лакун в знаниях о специфике творчества классика русской и зарубежной литературы.

Сложный многоуровневый характер репрезентации художественного концепта «Жизнь» в творчестве В.В. Набокова позволяет нам определить его не только как концепт-универсалию, но и как макроконцепт. Как отмечает М.В. Пименова, «концептуальная система обладает принципом голографичности. Суть принципа заключается в том, что концепты, составляющие эту систему, представляют структуры признаков, необходимых и достаточных для идентификации стоящих за ними фрагментов мира. При этом каждый признак концепта есть самостоятельный концепт, то есть у признака есть свои признаки» [8, с. 17]. Такая сложная структура макроконцепта художественного текста говорит о доминантной позиции этого ментального образования в языковой картине мира писателя.

Игровой характер репрезентации макроконцепта «Жизнь» в творчестве В.В. Набокова проявляется в намеренном отказе, «утаивании» имени концепта с целью создания особых игровых условий, формирования текстового кода. Отсутствие имени концепта «Жизнь» в тексте или отсутствие прямой ассоциации выдвигает на первый план ключевые слова и словосочетания, которые, в такой позиции, заменяют имя концепта в рамках художественного текста и становятся номинатами концепта *Жизнь*. На эту особенность обратила внимание Н.С. Болотнова: «При отсутствии слова-номината концепта эти единицы его текстового ассоциативно-смыслового поля могут становиться ядерными» [9, с. 75].

В настоящей работе мы используем принципы анализа концепта, разработанные Н.С. Болотновой, М.В. Пименовой и Кемеровской школой концептуальных исследований:

1) выделение ключевых слов (повторов, сильных позиций), которые выступают репрезентантами концепта (у Н.С. Болотновой – номинатами концепта);

2) отбор фактического материала (в него входят «компоненты словообразовательного гнезда, свободные и устойчивые сочетания с ключевым словом-репрезентантом концепта... тексты» [8, с. 130]; выбор художественного концепта в качестве объекта исследования определяет и фактический материал исследования – конкретные тексты, в которых репрезентирована оязыковленная часть концепта, изучаемая нами с помощью методики анализа ассоциативно-вербальной сети, разработанной Н.С. Болотновой [9]);

3) привлечение этимологических данных репрезентанта.

Мысль Н.Ф. Алефиренко о том, что «все значения, реальные и потенциальные, все связи слова, все ассоциации, порою очень отдаленные, удерживаются, объединяются в одном слове благодаря концепту» [10, с. 217], убеждает в доминирующей позиции ассоциативного слоя концепта, анализ которого дает представление как о концепте в целом, так и о его отдельных слоях. Н.С. Болотнова отмечает важность изучения ассоциативного слоя в связи с тем, что он предоставляет читателю возможность актуализировать в своем сознании «остальные “слои” художественного концепта: предметный, понятийный, образно-символический, эмоционально-оценочный» [9, с. 75].

В рассказе «Круг» макроконцепт «Жизнь» репрезентирован концептом «Круг» и его текстовыми ассоциатами. Образный слой художественного концепта

представлен тропеической конструкцией – концептуальной метафорой *жизнь – круг* (ключевое слово-репрезентант – *круг*), которая приобретает определенный смысл в ходе анализа ассоциативного слоя концепта «Круг».

В «Русском толковом словаре» В.В. Лопатина, Л.Е. Лопатиной указаны следующие лексические значения лексемы *круг*: 1. ‘Часть плоскости или участок какой-н. поверхности, ограниченный окружностью, а также плоский предмет такой формы’; 2. ‘Окружность, а также предмет в форме окружности’; 3. ‘Замкнутая цепочка людей, близкая по форме к окружности’; 4. ‘Законченная цепь явлений, дел, событий; цикл’; 5. ‘Совокупность взаимосвязанных предметов, явлений, образующих единое целое’; 6. ‘Группа людей, объединенных какими-н. связями’; 7. ‘Общественная или профессиональная группировка’; 8. ‘Одна из повторяющихся частей спортивного соревнования, в ходе которой каждый из участников встречается со всеми своими соперниками’ (Лоп., с. 292).

В ассоциативном словаре Ю.Н. Караулова зафиксированы такие ассоциации к слову *круг*: «замкнутый», «фигура», «овал», «заколдованный», «порочный», «жизни», совпадающие с ассоциативным наполнением художественного концепта «Круг» в дискурсе В. Набокова (Кар.).

Ключевое слово-репрезентант *круг* занимает сильные текстовые позиции: является заглавием произведения, обнаруживается в процессе декодирования текста как повтор.

Сбор фактического материала. В рассказе «Круг» обнаружен ряд однокоренных слов с корнем *круг-/круж-*. К таковым относятся: *круглый, окружало, кружева* (исторический корень *-круж-*).

Лексема *круг* как синтагма в рассказе встречается в следующих сочетаниях: *круг сна* и *расходясь кругами*: «После долгого, вольного дня спалось превосходно; случалось, однако, что иная греза принимала особый оборот, – сила ощущения как бы выносила его из круга сна, – и некоторое время он оставался лежать, как проснулся, боясь из брезгливости двинуться» (К, с. 326); «Особенно же было хорошо в теплую пасмурную погоду, когда шел незримый дождь, расходясь по воде взаимно пересекающимися кругами, среди которых там и сям появлялся другого происхождения круг, с внезапным центром, прыгнула рыба или упал листок, – сразу, впрочем, поплывший по течению» (К, с. 325).

Рассматривая употребления слова *круг*, встречающиеся в рассказе с одноименным заглавием, мы отметили использование автором значения ‘окружность’, а также ‘предмет в форме окружности’. В этом значении лексема *круг* употреблена в приведенном выше контексте дважды.

Не является общеупотребительным использование лексемы *круг* в словосочетании *из круга сна*. Значение анализируемого слова в этом контексте И.В. Труфанова признает сугубо авторским, утверждая, что оно «не отмечено толковыми словарями» [11, с. 117]. Одной из основных характеристик набоковского «порочного круга» является ограниченность/отграниченность – черта между жизнью и смертью, обыденностью и потусторонностью, духовным и животным. В синтагме *из круга сна* скрывается указание автором на границу между сном и явью и, кроме того, между телом и душой. Глагол *выносила* также указывает на значение границы. Лексема *оборот* в контексте *иная греза принимала оборот* содержит сему

«круг» (в словаре: ‘полный круг вращения, круговой поворот’ (Уш., с. 562)) и характеризует эту границу как круговую и замкнутую.

Кроме того, в словаре Д.Н. Ушакова указаны как переносные следующие значения этой лексемы – ‘замкнутая цепь событий, исчерпывающая в своей совокупности развитие какого-нибудь процесса (например, круг жизни, круг развития)’ и ‘замкнутая какими-то границами сфера, область чего-нибудь (круг занятий, круг чтения)’ (Уш., с. 382–383).

Модель ассоциативно-семантического поля (АСП). Анализ АСП мы проводим во вторичной моделирующей системе, то есть такой системе, которая строится «по типу языка», но со структурой большей сложности, отражающей индивидуально-авторские трансформации языкового материала [12, с. 17, 18].

Структуру АСП концепта «Круг» представляют как рассмотренные выше однокоренные слова, так и лексемы, «связанные друг с другом косвенно на уровне потенциальных сем, актуализированных в контексте произведения» [9, с. 76]. Художественный концепт понимают как «многогранную структуру различных ассоциативных рядов, отражающих определенные направления ассоциирования, актуализированные в тексте, фиксирующие многоаспектность концепта и его динамический характер» [13, с. 3]. Кроме того, АСП концепта «Круг» связано с другими репрезентантами макроконцепта «Жизнь», которые пересекаются и дополняют друг друга в определенных ассоциативных направлениях.

Авторские ассоциации выделяются через коммуникативные сигналы, присутствующие в художественном тексте. Ассоциации концепта «Круг» представляют собой ассоциативно-смысловое поле, в котором нами выделены семы по направлениям ассоциирования. Мы разбили направления ассоциирования на блоки, каждый из которых представляет одну из сем (элементов значения художественного концепта «Круг» в одноименном рассказе), относящихся к имплицитным текстовым ассоциатам. Преобладание последних связано с игровой направленностью текста, доминированием кода над сообщением.

Блок 1. Сема «форма». Данная сема, зафиксированная словарями для слова *круг*, входит в изучаемом рассказе в состав таких лексем, как *золотой* (в значении ‘монета’) (К, с. 322, 323), *монета* (К, с. 322), *мяч/мячик* (К, с. 327, 328), *солнце* (К, с. 325), *луна* (К, с. 329), *шляпа* (К, с. 327, 331), *кольцо* (К, с. 327). Все эти лексемы имеют семы «форма» и «круг» («круглая форма»). Референтные ассоциации, актуализирующие сему «форма», представляют информацию о предметном слое концепта «Круг».

Блок 2. Сема «вращение». Эта сема представлена довольно широко в пространстве текста. Она отсутствует в толковании лексемы *круг* в словарях, но входит в АСП художественного концепта «Круг», отражая набоковское понимание круга. Если сема «форма» репрезентирует оттенок значения, касающийся зрительного образа объекта, то сема «вращение» передает динамику, выражает характер действия. Ввиду особенностей круга-фигуры движение по его краю-периферии – это вращение вокруг центра. Лексемы с семой «вращение» встречаются в следующих контекстах: 1. «Засим Годунов-Чердынцев уехал в Самарканд или в Верный (откуда привык начинать свои прогулки); долго не возвращался, семья же его, по-видимому, предпочитала крымское имение петербургскому, по зимам жила в столице» (К, с. 323-324); 2. «После долгого,

вольного дня спалось превосходно; случалось однако, что иная греза принимала особый оборот, – сила ощущения как бы выносила его из круга сна, – и некоторое время он оставался лежать, как проснулся, боясь из брезгливости двинуться» (К, с. 326); 3. «По утрам он шел в лес, зажав учебник под мышку, руки засунув за шнур, которым подпоясывал белую косоворотку» (К, с. 326); 4. «Так, ему казалось омерзительным все, что окружало летнюю жизнь Годуновых-Чердынцевых, – скажем, их челядь, – “челядь”, повторял он, сжимая челюсти, со сладострастным отвращением» (К, с. 326); 5. «Иннокентий молча шагал рядом, вращая ртом (лушил семечки)» (К, с. 327); 6. «Вращаясь, медленно падал на скатерть липовый летунок» (К, с. 328).

Чередования в корнях *ворот-/вращ-* исторически обусловлены, этимология выявляет родство глаголов *вращать – вертеть*, их синонимичность с глаголами *поворачиваться, становиться, опрокидываться, обращать*. Сема «вращение» наделяет концепт «Круг» характеристикой действенности, активности, повторяемости, наличием центра – оси вращения (см. в словаре Д.Н. Ушакова: ‘вращение – движение вокруг своей оси по окружности’ (Уш., с. 99)). Такое движение, как и сам круг, ограничено: несвобода действия связана с привязанностью к предопределенному центру. Как домашний скот вынужден вращаться вокруг колышка, вбитого в землю, очерчивая круг, так и человеческая душа – пленница тела, а движение вперед – всего лишь вращение вокруг центра. Таким образом, как и круг В.В. Набокова – не круг вовсе в смысле математическом, так и «вращение» как сема *круга* – не полное действие, оно лишено свободы совершения за счет наличия центра. Круг в дискурсе В.В. Набокова – результат (фигура) несвободного действия вокруг заданного центра вращения.

Кроме того, вращение ассоциируется в дискурсе В.В. Набокова с постоянным преодолением линейного хода вещей, желанием возврата и воскрешения прошлого – тогда это отвращение. Герой рассказа Иннокентий не принимает всего, что окружает жизнь Годуновых-Чердынцевых, испытывает отвращение к ним, с усилием выходит из круга сна, с брезгливостью ощущает свою телесность: «...Ему казалось омерзительным все, что окружало летнюю жизнь Годуновых-Чердынцевых...» (К, с. 326). В толковом словаре Д.Н. Ушакова *брезгливый* – ‘испытывающий гадливость, отвращение...’; ‘гадливый, полный отвращения’ (Уш., с. 47), *омерзение* – ‘крайнее отвращение, гадливость’ (Уш., с. 588). Это дает нам право определить лексемы *брезгливость* и *омерзительный* в блок «вращение» на основе наличия в них семы «отвращение».

Это отвращение и брезгливость ставят героя на *периферию* описываемого в рассказе *круга* жизни, спиной к этой линейно движущейся череде событий. Герой понимает жизнь по-своему, не принимая окружающую действительность. В то же время отвращение Иннокентия ставит его в один ряд с героями других произведений писателя, например, Лужиным из романа «Защита Лужина». В романе выявлено «настойчивое употребление слов с семой ‘круг’ в обрисовке соположения художественного пространства и героя как главной точки хронотопа» [14, с. 135] (например: «Они ходили вокруг него, с опаской суживая круги...») (ЗЛ, с. 5)).

Отвращение Иннокентия прекращается после встречи с Таней. Любовь разворачивает его в противоположную сторону, назад к жизни, которая вдруг

обретает гармонию. Герой принимает действительность, начинает вращаться по своему жизненному кругу, но Тане там уже нет места: «...Все как-то расплзлось, – но постепенно стянулось снова, и он уже был ассистентом профессора Бэра...» (К, с. 329). Глаголы *расплзлось* и *стянулось* определяют хронотоп Иннокентия, который выходит из круга «сын школьного учителя» и входит в круг «ассистент профессора». Встреча с Таней через много лет опять разворачивает его вспять, он пытается нагнать прошлое и «заглянуть ему в глаза».

Ассоциативное авторское восприятие круга репрезентируют такие единицы, как *свиваясь* и *развиваясь* (К, с. 324), *взаимно пересекающимися кругами* (К, с. 325), *расплзлось, но постепенно стянулось* (К, с. 329), через которые раскрываются характеристики круга, его качества: круг сужается и расширяется, пересекается с другими кругами.

Выделяются и такие составные элементы набоковского круга, как *центр* и *периферия* («Так случилось, что к центру их жизни он все равно не был допущен, а пребывая на ее зеленой периферии, участвуя в летних забавах, но никогда не попадая в самый дом» (К, с. 328), *центр* и *граница* («...там и сям появлялся другого происхождения круг, с внезапным центром... А какое наслаждение было купаться под этим теплым ситником, на границе смешения двух однородных, но по-разному сложенных стихий...» (К, с. 325)).

Здесь уместно обратить внимание на этимологическое родство глаголов *вращать*, *вертеть* и существительного *время* (*vertmen). Согласно словарю Н.М. Шанского, первоначальное значение слова время – ‘нечто вращающееся’ (Шан., с. 95). Таким образом, время как первичная составляющая хронотопа, основы бытия человека в дискурсе В.В. Набокова является характеристикой «порочного круга», оно направляет движение-вращение вперед без возможности возврата назад. Иннокентию же, как и многим наделенным даром героям В.В. Набокова, дарована высшая благодать реинкарнации прошлого через преодоление земной преграды времени («Все это прошлое поднялось вместе с поднимающейся от вздоха грудью, – и медленно восстал, расправил плечи покойный его отец, Илья Ильич Бычков...» (К, с. 322)). Выражаясь словами А.А. Долинина, «изгнанник Набокова получает возможность усилием воображения и памяти превратить потерянное в сверхреальное, вечно сущее и потому быть счастливым вопреки любой трагической утрате...» [15, с. 41].

Блок 3. Сема «граница», «край». Край, граница – основной элемент любой фигуры и вещи в земном мире. Данные характеристики набоковского круга реализуют, с одной стороны (то есть не полностью, а вкупе с другими элементами, рассмотренными ниже), идею бытия-тюрьмы, несвободы духа в телесной оболочке и – одновременно – конечности бытия. В философии экзистенциализма одна из форм бытия – материя – конечна, но через небытие ее конечность обретает бесконечность, освобождение. В творчестве В.В. Набокова мотив возможности заглянуть за край весьма важен. Рассказ «Круг» и роман «Приглашение на казнь» были написаны в перерывах между работой над «Даром» и, по словам В.В. Набокова относительно рассказа «Круг», «от основной массы романа вдруг отделился маленький спутник и стал вокруг него вращаться» [16, с. 68].

Цитаты из произведений одной «солнечной системы» демонстрируют избираемую или только желаемую автором позицию в дискурсе: посмотреть на мир

извне, сверху, взглянуть на плоский пошлый мир снаружи: «...Словно завернулся краешек этой ужасной жизни и сверкнула на миг подкладка» (ПНК, с. 78); «...Будто на миг она завернулась, и он увидел ее необыкновенную подкладку» (Д, с. 164).

«А какое наслаждение было купаться под этим теплым ситником, на границе смешения двух однородных, но по-разному сложенных стихий – толстой речной воды и тонкой воды небесной!» (К, с. 325) – в данном высказывании героя граница одновременно объединяет (*смешения, однородных*) и разъединяет, вводя антитезу *земное – небесное / тело – душа (толстый/тонкий; речной/небесный)*. Стоит обратить внимание на стилистическое оформление антитезы: сочетание *толстая речная вода* построено в соответствии с синтаксическими нормами русского литературного языка, а сочетание *тонкая вода небесная* основывается на инверсии, что усиливает в нем лирический элемент, делает более возвышенным и музыкальным его звучание. Такое построение делает антитезу ярче, читатель синестетически прочувствует границу между земным и небесным: *толстая простота земного и тонкая музыкальная возвышенность небесного*.

Границы набокковского круга можно назвать границами границ. Метафизика В.В. Набокова определяет бытие человека как несвободу души в оболочке-тюрьме. По этому же подобию устроена вся материя на земле. Люди отъединяются друг от друга по кругам (интересы, социальное положение, профессия и т. д.), в изучаемом рассказе такой круг представляет собой семейство Годуновых-Чердынцевых, в который не пускают Иннокентия: «Так случилось, что к центру их жизни он все равно не был допущен, а пребывая на ее зеленой периферии, участвуя в летних забавах, но никогда не попадая в самый дом» (К, с. 328). Кругами-отъединителями в рассказе выступают: 1) жилища, здания (*комната, особняк, усадьба, школа, петербургское имение, крымское имение, гимназия, кафе*); 2) географические топосы (*Россия, Лешино, Центральная Азия, Самарканд, Верный, столица (Петербург), Крым, Охта, Тверь, чешский курорт, Савойя, Шамони, Фергана, Париж, Берлин*); 3) объекты природы (*животное царство, растительное и минеральное, дикие горы, пустыни*); 4) социальные круги (*народ, крестьянские ребятишки, барин, интеллигенция, плебей*); 5) профессия, род деятельности (*школьный учитель, гимназист, студент, исследователь, гувернантка, портниха, кузнец, шофер, лакей, гувернер-англичанин, бабы-поденщицы, экономка, управляющий, ассистент профессора, советский геолог*); 6) принадлежность к национальности, национальному (*голубой калмык, англичане, китайский, чешский*).

Все эти преграды, возводимые человеком, сопровождают его всю жизнь и рассыпаются бутафорским прахом (см. «Приглашение на казнь») в минуту смерти. По В.В. Набокову, пока человек внутри круга – он заложник вещей-преград, закрывающих ему глаза на истину. Недаром в воспоминании Иннокентия указана его глухота и слепота («В-третьих, наконец, потому что ему было жаль своей тогдашней молодости – и всего связанного с нею – злости, неуклюжести, жара, – и ослепительно-зеленых утр, когда в роце можно было оглохнуть от иволог» (К, с. 322)), мелькает образ глухого старичка («...и бабы-поденщицы, приходившие по утрам выпалывать аллеи под надзором глухого сутулого старичка в розовой рубахе...» (К, с. 326)), и Таня в последнюю встречу обливалась слезами,

«дрожа и солеными губами слепо тычась в него...» (К, с. 329). Особенность, дар Иннокентия в том, что он разомкнул «порочный круг» в спираль. Именно поэтому воспоминание приходит к нему не со стороны, а из глубины: «До какой глубины спускаешься, Боже мой! – в хрустально-расплывчатом тумане, точно все это происходило под водой» (К, с. 323). На глубину указывает и глагол *поднялось*: «Все это прошлое поднялось вместе с поднимающейся от вздоха грудью...» (К, с. 322).

Троекратный повтор лексем с корнем *черт-/черк-* (*подчеркнутой* (К, с. 325); *черту* (К, с. 327); *чертит* (К, с. 330)) также репрезентирует в тексте авторское восприятие круга.

Таким образом, все круги жизни, перечисленные нами, стекаются в один – круг воспоминаний Иннокентия. Мелочи и детали в памяти превращаются в сокровища и, при воспоминании особым образом расставленные и рассмотренные под другим углом (не так, как виделись раньше), помогают прикоснуться к тайне человеческого бытия, освободиться от несвободы «беганья по кругу», от границ окружности. В конце рассказа Иннокентий прозревает от слепости круга: «...Ничто-ничто не пропадает, в памяти накаплиются сокровища, растут скрытые склады в темноте, в пыли, – и вот кто-то проезжий вдруг требует у библиотекаря книгу, не выдававшуюся двадцать лет» (К, с. 330).

Важно обратить внимание читателя и исследователя на особенность механизма памяти Иннокентия. Во-первых, воспоминание высвобождает героя из плена круга; во-вторых, память одаренного человека не только реинкарнирует предметы прошлого во всех проявлениях земных чувств, но и изменяет его видение: воссозданное рассматривается уже другим человеком, который обращает внимание на то, что не увидел или не хотел видеть в юности. И, наконец, в-третьих, «пересмотр» деталей прошлого как бы приподнимает героя над «порочным кругом» бытия, превращая узор его пути в спиралевидный, где каждый следующий виток больше предыдущего, и где-то далеко маячит полное размыкание, свобода творческого духа. «Слепота» и «глухота» юности, угрюмость, несходчивость не давали Иннокентию рассмотреть реальность как следует. Воспоминание же позволило ему, оценившему все потерянное «со стеснением сердца», пересмотреть заново, отметить мельчайшие, но очень важные теперь детали. При наложении прошлого на настоящее проявляется жестокий, но правдивый узор, просветы истины: все, что было в юности смутным, расплывчатым, приобретает четкие формы. «Скользящее сквозь тень и свет, еще неясное» (К, с. 327) лицо Тани из воспоминания навеяно встречей с Таней сегодняшней, «все как-то уточнившейся за эти двадцать лет» (К, с. 330); Иннокентий «вспомнил прошлое со стеснением сердца, с грустью» (К, с. 322), тогда как Таня «закурила, засмеялась, без стеснения вспоминая с ним то отдаленное лето» (К, с. 330). «Морской» образ юной Тани из прошлого («в коротком синем пальто с морскими золотыми пуговицами», «ленты матросской шапочки» (К, с. 324)) деградирует до «морскую раковины, служившей пепельницей» (К, с. 330) у нее на столе.

Случившиеся исторические катаклизмы, перевернувшие весь социальный уклад и принудившие их к эмиграции, не изменили в матери и дочери Годуновых-Чердынцевых принадлежности к «порочному кругу»: Иннокентий для них был и остался лишь «сыном школьного учителя». Это та социальная граница

между ними, которую не смогла стереть даже революция, война с немцами и эмиграция. Определение «сын школьного учителя» в качестве непреодолимой границы между Иннокентием и дворянско-усадебным семейством Тани перетекает и в воспоминание Иннокентия. Встреча через двадцать лет является импульсом, толчком к воспоминанию, Иннокентий вспоминает со «стеснением сердца», Тая же осталась «такой же неуязвимой, как и некогда» (К, с. 331); услышанное Иннокентием штампообразное определение «сын школьного учителя» позволило герою освободиться от этой своей роли, взглянув на себя со стороны, с высоты прожитых лет.

Ассоциативное направление с семей «граница» актуализирует такие характеристики художественного концепта «Круг» в составе макроконцепта «Жизнь», как отграниченность, замкнутость, несвобода/тюрьма, а также антитезы *земное – небесное, тело – душа*.

Блок 4. Сема «материя». В данном блоке объединены все слова с семантикой вещи, материи и ее признаком – плотностью. Вещный мир, круговая бездуховность, «игрушки мира сего», отвлекающие человека от истинных ценностей, густо заселяют страницы рассказа. Символом, квинтэссенцией вещного мира выступает чучело – мумифицированная плоть. В игровой поэтике рассказа «Круг» вещь как таковая в реальности и та же самая вещь в призме воспоминаний героя – понятия совершенно разного характера. Главное отличие вещей в воспоминаниях героя в том, что он, реинкарнируя свою юность, пытается максимально уплотнить воспоминание, воссоздает образы вещей, чтобы, зацепившись за них, дорассмотреть то, что не увидел в слепой и глухой своей юности. Материя в дискурсе В.В. Набокова – тюрьма, несвобода. Это и человеческое тело, где душа томится пленницей, и жизнь человека, его бытие как «порочный круг» алчущих, потребляющих, стяжающих. В воспоминании реинкарнация материального нужна для возрождения и анализа человеческих пороков, слабостей, увлечений и привязанностей. Ибо в материальном окружении запечатлевается все то наносное, греховное и никчемное в человеческих приобретениях, что по смерти рассыпается в прах и пепел.

Именно обилие разных вещей, мелькающих перед глазами героя, не дает ему сосредоточиться на одной мысли, делая окружающее смутным, неясным и непонятым по-настоящему: «В пестром мареве (ибо Иннокентий, несмотря на небольшую репетицию гражданского презрения, проделанную накануне, находился в сильном замешательстве) мелькали молодые люди, бегущие дети, чья-то шаль с яркими маками по черному, второй фокстерьер, – а главное, главное: скользящее сквозь тень и свет, еще неясное, но уже грозящее роковым обаянием, лицо Тани, которой исполнялось сегодня шестнадцать лет» (К, с. 327); «Экономка, в горжетке, со стальными, зачесанными назад волосами, уже разливала шоколад по темно-синим чашкам, которые разносили лакеи» (К, с. 327).; «Тут имелся в виду и жирненький шофер, его веснушки, вельветовая ливрея, оранжевые краги, крахмальный воротничок, подпиривший рыжую складку затылка, который наливался кровью, когда у каретного сарая он заводил машину, тоже противную, обитую внутри глянцевого-пунцового кожей, и седой лакей с бакенбардами, откусывавший хвосты новорожденным фокстерьерам; и гувернер-англичанин, шагавший, бывало, через село без шапки, в макинтоше и белых

штанах, что служило поводом для мальчишек острить насчет «крестного хода» или «подштанников»; и бабы-поденщицы, приходившие по утрам выпалывать аллеи под надзором глухого сутулого старичка в розовой рубаше...» (К, с. 326).

Уплотнение материальной составляющей в рассказе относится, в основном, к миру Годуновых-Чердынцевых, увиденному глазами Иннокентия. Этот пестрый хоровод вещей, эта избыточная приукрашенность резко граничат с образом крестьянского мальчика Василия: «...Коренастый, корявый, в залатанных брючках, с громадными босыми ступнями, окраской напоминающими грязную морковь...» (К, с. 324).

Особый интерес в плане значения материального представляет описание комнаты Ильи Ильича, отца Иннокентия: «Комната Ильи Ильича: пыльный луч солнца; на столике, – сам его смастерил, выжиг узор, покрыл лаком, – в плюшевой рамке фотография покойной жены, – такая молодая, в платье с бортами, в кушаке-корсетике, с прелестным овальным лицом (овальность лица в те годы совпадала с понятием женской красоты); рядом – стеклянное пресс-папье с перламутровым видом внутри и матерчатый петушок для вытирания перьев; в простенке портрет Льва Толстого, всецело составленный из набранного мелким шрифтом “Холстомера”» (К, с. 325–326). Лексема *пыльный* в начале предложения – это конечный итог всего материального в «порочном круге». Все превращается в пыль, и пыль эта исходит от вещей. Лишь размыкание круга в спираль, лишь творческий акт реинкарнированного, кумулятивного воспоминания, способного к нанизыванию дополнительных деталей при каждом к нему возвращении, может эти вещи сохранить, но не как ценность материальную, а как земной кокон бабочки, который, с позиции куколки, так важен, с позиции же бабочки – никчем. Это видит и Цинциннат в конце романа «Приглашение на казнь»: вокруг него крутились «падшие вещи», «пыль, тряпки, разноцветные щепки, мелкие обломки позлащенного гипса, картонные кирпичи, афиши, лета сухая мгла...» (ПНК, с. 129).

Последнее слово в предложении из упомянутой выше цитаты – «Холстомер», заглавие рассказа Льва Толстого, – является имплицитным текстовым ассоциатом. Если рассматривать эту лексему в игровой поэтике рассказа «Круг» в прямом первичном значении (‘тот, кто мерит холсты’), то она задает основную характеристику конечности, отмеренности круга жизни, всего материального.

Портрет Л. Толстого в рассказе представляет собой сложное сочетание: экфрасис и прецедентный текст одновременно, так как картина состоит из слов рассказа «Холстомер». Отсылка к этому тексту неслучайна: ассоциативный слой концепта «Круг» в «Холстомере» представлен теми же ассоциациями отграниченности, конечности, повторяемости, что и в набоковском «Круге».

Самое же высшее, чистое, по В.В. Набокову, бытие вещи, материала – это запечатленность в воспоминании.

Кроме того, доминирующей характеристикой материального в дискурсе «Круга» является плотность. Это препятствие освобождению, одновременно и укрытие, и тюрьма. Плотность в дискурсе В.В. Набокова – все плотское, мясное, толстое: «мясистая бородавка у носа», «толстая ноздря» Ильи Ильича; «толстый ствол березы»; «кондовое» барское имение (в значении ‘плотный, прочный’); «толстый пресыщенный пылью мат»; «мокрые ляжки» крестьянских детей.

Лексема *кожаный* в контекстах «кожаный диван» (в доме Иннокентия); «кожаный ремешок» (в руках двенадцатилетней Тани) также имеет сему «материя».

Весьма важной в семантическом блоке «Материя» является и качественная характеристика *толстый*. Она рождает ассоциации с алчностью, ненасытностью – грехами плоти. На данную ассоциацию указывает сцена встречи Иннокентия с Елизаветой Павловной в конце произведения, когда она достает ключ из-под «толстого, пресыщенного пылью мата» (К, с. 330). За счет градации усиливается значимость контекстуального синонима слова *толстый* – *пресыщенный*, раскрывая мотив пресыщения, а следовательно – скорого распада круга (порвалась жизни цепь).

Слово *толстый* имеет этимологически обусловленную сему «разбухший» (см. ТОЛСТЫЙ. Общеслав. Исходно – ‘набухший, опухший’. Ср. того же корня лит. *tulštù* ‘набухаю», *размякаю*’ (Шан., с. 319)), что вполне отражает характеристику набокковского «порочного круга» как материально зависимого, накопления которого в конечном итоге разрушают его, приводят к смерти, в отличие от накоплений, сокровищ памяти, которые бессмертны.

Блок 5. Когнитивные ассоциаты. Группа этимологически близких слов на *-kr-. Игровая поэтика рассказа «Круг» включает в себя игру с этимологией слова и фонетикой. Внимательный и опытный читатель обратит внимание на обилие слов с элементами *-кр-, -кор-, -чер-*: *черный* (К, с. 322, 323, 327); *красноватый* (К, с. 322); *открытие* (К, с. 323); *кроме* (К, с. 323); *короткий* (К, с. 324); *коренастый* (К, с. 324); *корявый* (К, с. 324); *черви* (К, с. 324); *кряж* (К, с. 325); *крючок* (К, с. 325); *кровь* (К, с. 325, 326); *коричневый* (К, с. 326); *крыльцо* (К, с. 326); *крыша* (К, с. 326); *накрыть* (К, с. 327); *кружева* (К, с. 328); *оскорбление* (К, с. 329); *сокровища* (К, с. 330); *скрытые* (К, с. 330) и др.

Данные этимологии позволяют определить, какие этимоны, объединяющие эти слова, лежат в основе индивидуально-авторского представления концепта «Круг».

В этимологическом словаре Н.М. Шанского находим: КРУГ. Общеслав. Родственно др.-в.-нем. *hring* (нем. *Ring*, англ. *ring*) ‘круг, обруч, кольцо’. Суф. производное (суф. *-g-*) от **kren-* ‘крутить, вертеть’, образованного в свою очередь от **kre* – тж., содержащегося в *кривой*, *кряж*, *крендель*. Исходное **krongъ* > *круг* после изменения носового *o* (< *on*) в *u* и отпадения конечного слабого редуцированного *ъ* (Шан., с. 157).

Данные этимологического словаря совпадают с ассоциативным, индивидуально-авторским пониманием круга. Выделенные нами лексемы со значением ‘вращать’, ‘вертеть’ и лексема *кряж*, присутствующие в тексте, являются родственниками слова *круг*.

Для остальных слов с элементами *-кр-/кор-* этимологическое родство в словарях не просматривается.

Разгадка, как мы предполагаем, кроется в привлечении материала книги адмирала А.С. Шишкова «Славянорусский корнеслов» [18]. Она не была издана при жизни ученого, но В.В. Набоков должен был знать произведения А.С. Шишкова. Документально подтверждено родство В.В. Набокова и рода Шишковых. Псевдоним *Василий Шишков* украшал ранние произведения писателя, в рассказах «Лебеда» и «Обида» действует один герой – Путя Шишков.

Этимологические изыскания А.С. Шишкова не подтверждены наукой и считаются наивной этимологией. Как отмечает С.В. Иванов, работы А.С. Шишкова «были не вполне методологически корректны с точки зрения зарождавшейся индоевропеистики и потому получили пренебрежительную оценку со стороны представителей отечественной младограмматической традиции, тем не менее... они оставили след не только в научном, но и в художественном творчестве последующего времени» [19, с. 95]. Многие слова из рассказа «Круг» с элементами *-кр-/-кор-* есть в книге А.С. Шишкова (глава «Дерево слов, стоящее на корне ГР, КР, ХР»). Происхождение этих слов он возводит к звукоподражанию, слышимому «в преломлении сухих вещей, в ударе друг о друга твердых тел, в воздушных трениях, в голосе животных», которые «подали человеку повод к составлению из них слов, означающих разные гласы или шумы» [18]. Первым ученый комментирует слово *кора* как факт звукоподражания при преломлении, далее почти все слова возводятся к *коре* и обозначают что-то преломленное, разделенное, скрытое, отгороженное. Например, слово *кровь* трактуется у А.С. Шишкова следующим образом: «Откуда могло произойти название *кровь*, как не от глагола *крою*? Мысль о скрытности, сокровенности должна была породить сие слово в уме человеческого, поскольку он видел, что кровь всегда сокрыта под кожей, и не прежде появляется, как после разрезания кожи» [18].

Лексема *церковь* употребляется в рассказе с явной отсылкой к библейской истории: «Еще об этой реке, высоком берегу, о старой купальне: к ней, ступеньками, с жабой на каждой ступеньке, спускалась глинистая тропинка, начало которой не всякий отыскал бы среди ольшаника за церковью» (К, с. 324); «Закладка, молебен на ветру, К.Н. Годунов-Чердынцев, бросающий золотой, монета влипает ребром в глину...» (К, с. 322). *Ребро* и *глина* отсылают к библейской истории о сотворении Адама из глины и Евы из ребра Адама. О происхождении слова *церковь* в научной среде идут споры. Некоторые ученые связывают его происхождение с греч. *circus* – ‘круг’ [20].

Этимологически обусловленные ассоциаты в игровой поэтике рассказа «Круг» позволяют сделать следующие выводы: в АСП концепта «Круг» доминирующими становятся сема «вращение» (повторяющееся действие), сема «материя» (от *кора* – ‘оболочка, покрытие’) и сема «граница» (отграниченное пространство / отмеренное). Изучение этимологии слова-репрезентанта приводит к заключению о намеренном обыгрывании этимологических данных слова с целью углубления его значения.

Подробный анализ ассоциативного-семантического поля концепта «Круг» в одноименном рассказе «Круг» В. Набокова показал:

- 1) ключевое слово «Круг» является номинатом концепта «Круг» и одновременно репрезентантом макроконцепта «Жизнь»;
- 2) в АСП концепта «Круг» актуализируются семы, не отраженные в толковых словарях;
- 3) АСП концепта «Круг» входит в АСП концепта «Жизнь» по типу включения на основании выделенных нами направлений / блоков ассоциирования;
- 4) круг – это образный признак концепта «Жизнь»; концептуальная метафора *жизнь-круг* в авторской интерпретации актуализирует такие признаки, как замкнутость, отграниченность, вращение, повторяемость, материальность;

5) игра с читателем в художественном дискурсе проявляется в отсутствии прямой ассоциации «жизнь – круг», преобладании имплицитных текстовых ассоциатов, углублении ассоциаций за счет привлечения этимологии слова, в нетипичной репрезентации концептуальной метафоры *жизнь – путь*, применении эксфрасиса;

б) обращение к этимологии позволяет выявить специфику игровой поэтики рассказа «Круг».

В.В. Набоков дает понять, что большие идеи могут уместиться не только в тексте, но и в слове. Вербализуя концепт, слово в игровой поэтике его произведений становится доминирующим компонентом, приобретает глубину, создает «мерцательный» подтекст. Философия В.В. Набокова показывает удивительную траекторию понимания: не от слов к тексту и смыслу, а от текста к слову. В одно-два слова упаковывается все сказанное текстом, вся космология писателя. Если, по словам В.Е. Александрова, «форма романа есть чистое зеркало его содержания» (о романе «Дар») [4, с. 11], то и слово в игровой поэтике В.В. Набокова есть отражение содержания, вместилище, молекула смысла.

Источники

- К – *Набоков В.В.* Круг // Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 4. – С. 322–331.
- ЗЛ – *Набоков В.В.* Защита Лужина // Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 2. – С. 5–155.
- ПНК – *Набоков В.В.* Приглашение на казнь // Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 4. – С. 5–133.
- Д – *Набоков В.В.* Дар // Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 3. – С. 5–333.
- СИП – *Набоков В.В.* Стихотворения и поэмы. – М.: Современник, 1991. – 573 с.
- Кар. – *Караулов Ю.Н.* Русский ассоциативный словарь. – URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>, свободный
- Лоп. – *Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.* Русский толковый словарь. – М.: Эксмо, 2005. – 928 с.
- Уш. – *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. – М.: Альта-Пресс, 2005. – 1216 с.
- Шан. – *Шанский Н.М., Боброва Т.А.* Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина, 1994. – 400 с.

Литература

1. *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. – СПб.: Азбука-классика, 2010. – 448 с.
2. *Набоков В.В.* Другие берега // Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 4. – С. 133–302.
3. *Рахимкулова Г.Ф.* Языковая игра в прозе Владимира Набокова: К проблеме игрового стиля: Дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов н/Д, 2004. – 332 с.
4. *Александров В.Е.* Набоков и потусторонность. – СПб.: Алетейя, 1999. – 302 с.
5. *Тарасова И.А.* Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: На материале поэзии Г. Иванова и И. Анненского: Дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2004. – 484 с.

6. *Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
7. *Ипанова О.А.* Концепт ЖИЗНЬ в русской языковой картине мира // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2017. – № 4. – С. 60–75.
8. *Пименова М.В.* Концептуальный мир – основа ментальности // Образ мира в зеркале языка. – М.: Флинта, 2011. – 657 с.
9. *Болотнова Н.С.* О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте // Вестн. ТГПУ. Сер. Гуманит. науки (филология). – 2007. – № 2. – С. 74–79.
10. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 288 с.
11. *Труфанова И.В.* Тип повествования в рассказе В.В. Набокова «Круг» // «Филология, искусствоведение и культурология в XXI веке»: Материалы Междунар. заочной науч.-практ. конф. – Новосибирск: Сиб. ассоц. консультантов, 2012. – Ч. I. – С. 113–122.
12. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 704 с.
13. *Иванова Л.А.* ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ в аспекте номинации и предикации: по творчеству М.И. Цветаевой до эмиграции: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 19 с.
14. *Мальцева Г.Ю.* «Порочный круг» как модель художественного хронотопа в романе В.В. Набокова «Защита Лужина» // Наука и технологии в современном обществе. – 2015. – № 1. – С. 135–138.
15. *Долинин А.А.* Истинная жизнь писателя Сирина. – СПб: Акад. проект, 2004. – 400 с.
16. *Набоков В.В.* Предисловие к английскому переводу рассказа «Круг». – URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/the-circle.htm>, свободный.
17. *Бойд Б.* Владимир Набоков. Американские годы: биография. – СПб.: Симпозиум, 2010. – 950 с.
18. *Шишков А.С.* Славянорусский корнеслов. – URL: <https://www.litlib.net/bk/110038/read/3>, свободный.
19. *Иванов С.В.* Этимология поэтическая и научная: Хлебников и Шишков // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2006. – № 10 – С. 95–97.
20. *Голан А.* Миф и символ. – М.: Русслит, 1993. – 375 с.

Поступила в редакцию
18.06.2020

Мальцева Гаяне Юриковна, ассистент кафедры русского языка и русской литературы

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: maltseva_g@bsu.edu.ru

**Linguistic and Creative Aspects of Representation
of the Macroconcept of *Life* in the Wordplay Poetics
of the Story “The Circle” by V.V. Nabokov**

G.Yu. Maltseva

Belgorod State University, Belgorod, 308015 Russia

E-mail: maltseva_g@bsu.edu.ru

Received June 18, 2020

Abstract

This paper is based on a detailed analysis of the representation of the concept of *circle* as a component of the macroconcept of *life* in the poetic wordplay of the story “The Circle” (‘Krug’) by V.V. Nabokov. In the light of the theory of wordplay poetics, the following non-standard ways of representing the macroconcept of *life* were revealed: the absence of the concept nominee in the studied direction of association; the involvement of etymological data of the key representative and semantically related associates. The method of N.S. Bolotnova’s associative layer analysis was used to identify implicit meanings and to reveal key elements that can be helpful in decoding the wordplay of the text. It was found that the core of the macroconcept of *life* is based on the conceptual metaphor “life – circle”, which is characteristic of the Russian linguistic view of the world. The areas of association were singled out by the method of association analysis of the concept and divided into separate blocks, each representing one of the semes (elements of the meaning of the concept of *circle*) in the story “The Circle” and connected with implicit associations. Taken together, they provide V.V. Nabokov’s complete individual view of the macroconcept of *life*. The obtained results demonstrate the idiosyncratic character of V.V. Nabokov’s prose. By means of the wordplay poetics of the story “The Circle”, the concept of *life* reflects the individual view of the world by V.V. Nabokov, and the axiological layer of the concept translates the author’s philosophical views on life.

Keywords: V.V. Nabokov, idiostyle, creative linguistic personality, playful poetics, macroconcept, literary concept, associative semantic field

References

1. Nabokov V.V. *Lektsii po russkoi literature* [Lectures on Russian Literature]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika, 2010. 448 p. (In Russian)
2. Nabokov V.V. Other shores. In: Nabokov V.V. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow, Pravda, 1990, pp. 133–302. (In Russian)
3. Rakhimkulova G.F. Wordplay in Vladimir Nabokov’s prose: About the problem of wordplay style. *Doct. Philol. Diss.* Rostov-on-Don, 2004. 332 p. (In Russian)
4. Aleksandrov V.E. *Nabokov i potustoronnost’* [Nabokov and Otherworldliness]. St. Petersburg, Aleteiya, 1999. 302 p. (In Russian)
5. Tarasova I.A. Poetic idiostyle in the cognitive aspect: Based on G. Ivanov and I. Annensky’s poetry. *Doct. Philol. Diss.* Saratov, 2004. 484 p. (In Russian)
6. Alefirenko N.F. *Poeticheskaya energiya slova. Sinergetika yazyka, soznaniya i kul’tury* [The Poetic Power of the Word. Synergetics of Language, Consciousness, and Culture]. Moscow, Academia, 2002. 394 p. (In Russian)
7. Ipanova O.A. The concept of LIFE in the Russian linguistic view of the world. *Voprosy Istorii i Kul’tury Severnykh Stran i Territorii*, 2017, no. 4, pp. 60–75. (In Russian)

8. Pimenova M.V. Conceptual world as the basis of mindset. In: *Obraz mira v zerkale yazyka* [World Image through Language]. Moscow, Flinta, 2011. 657 p. (In Russian)
9. Bolotnova N.S. On the methods of studying the associative layer of a literary concept in the text. *Vestnik TGPU. Seriya: Gumanitarnye Nauki (Filologiya)*, 2007, no. 2, pp. 74–79. (In Russian)
10. Alefirenko N.F. *Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguistic and Cultural Studies: Axiological and Semantic Space of the Language]. Moscow, FLINTA, Nauka, 2016. 288 p. (In Russian)
11. Trufanova I.V. The type of narrative organization in the story “The Circle” by V.V. Nabokov. In: *“Filologiya, iskusstvovedenie i kul'turologiya v XXI veke”: Materialy Mezhdunar. zaочноi nauch.-prak. konf. [“Philology, Study of Art and Culture in the 21st Century”: Proc. Int. Virtual Sci.-Pract. Conf.]*. Novosibirsk, Sib. Assots. Konsul't., 2012, pt. I, pp. 113–122. (In Russian)
12. Lotman Yu.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta* [Literary Text Structure. Poetic Text Analysis]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. 704 p. (In Russian)
13. Ivanova L.A. PAST, PRESENT, and FUTURE in the aspects of nomination and predication: Based on M.I. Tsvetaeva's works prior to the expatriation. *Extended Abstract of Cand. Philol. Diss.* Moscow, 2009. 19 p. (In Russian)
14. Maltseva G.Yu. “Vicious circle” as a model of the literary chronotope in the novel “The Luzhin Defense”. *Nauka i Tekhnologii v Sovremennom Obshchestve*, 2015, no. 1 (2), pp. 135–138. (In Russian)
15. Dolinin A.A. *Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina* [The Real Life of Writer Sirin]. St. Petersburg, Akad. Proekt, 2004. 400 p. (In Russian)
16. Nabokov V.V. Preface to the English translation of the story “The Circle”. Available at: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/the-circle.htm>. (In Russian)
17. Boyd B. *Vladimir Nabokov. Amerikanskie gody: biografiya* [Vladimir Nabokov. The American Years: A Biography]. St. Petersburg, Simpozium, 2010. 950 p. (In Russian)
18. Shishkov A.S. Slavic Russian etymological dictionary. Available at: <https://www.litlib.net/bk/110038/read/3>. (In Russian)
19. Ivanov S.V. Poetic and scientific etymology: Khlebnikov and Shishkov. *Indoevropeskoe Yazykoznanie i Klassicheskaya Filologiya*, 2006, no. 10, pp. 95–97. (In Russian)
20. Golan A. *Mif i simvol* [Myth and Symbol]. Moscow, Russlit, 1993. 375 p. (In Russian)

Для цитирования: Малыцева Г.Ю. Лингвокреативный аспект репрезентации макроконцепта «Жизнь» в игровой поэтике рассказа «Круг» В.В. Набокова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 5. – С. 72–88. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.72-88.

For citation: Maltseva G.Yu. Linguistic and creative aspects of representation of the macroconcept of *life* in the wordplay poetics of the story “The Circle” by V.V. Nabokov. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 5, pp. 72–88. doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.72-88. (In Russian)